Автобиография

"Могло быть и хуже..."
(Поздравление меня с юбилеем
клоунской группой "А" в 6 часов утра).

Однажды, весенним мартовским днём, мой будущий папа пришёл к моей будущей маме с цветами и благими намерениями. В результате, 12 ноября 1955 года родился я.

Случилось это в городе Воронеже в 4-м роддоме под Петровским сквером. В то время женщины рожали поздно. Маме – восемнадцать. Это был вызов! Доктор, принимавший роды, называл её "маленькой мамой".

Родившись, я великодушно молчал. Первые аплодисменты получил от доктора... ниже спины (медицина часто ошибается). Стиснув голосовые связки, стерпел. Но, когда доктор решил перейти к "овациям", я выдал первую арию.

– О, певцом будет! — сказал доктор. Он почти не ошибся. Петь в этой жизни пришлось часто и много. С радостью и удовольствием... (Спустя четверть века мы с мамой случайно встретили того доктора. Когда-нибудь напишу об этом рассказ)...

Из роддома меня понесли в Никольскую церковь засвидетельствовать перед Всевышним. Окунаясь в купель, я призывал Господа, выводя лихие фортиссимо. Напоследок схватил за бороду священника, перепутав с Богом. (Любимый застольный рассказ моих родителей). С тех пор так и пошло: не то и не так. Цирк!..

До четырнадцати лет жил на тихой улице Никитинской, названной в честь воронежского поэта. Там было всё: лазанье по крышам старого

гужевого двора, катание на задках подвод, ругань возниц и ожоги их кнутов. Гонки на подшипниковых самокатах – их грохот приводил в ужас жителей улицы. Поджигание тополиного пуха, который заваливал город в июне, как снег в декабре. Дворники с пожарными гонялись за нами, как пограничники за нарушителями. Углы в коммунальных квартирах становились стенами плача, а суровые отцы, объясняли с помощью нехитрых аксессуаров, поддерживающие их штаны, что надо или быстрее бегать, или забыть о лаврах Герострата.

Футбольно-хоккейные баталии, где я с удовольствием ловил мячи и шайбы в воротах, заканчивались выбитыми пальцами, синяками, шрамами. (Позже с таким же удовольствием ловил плохо слушающиеся жонглёрские мячи, булавы и кольца, из-за которых остались шрамы на сердце и психике. Вы где-нибудь видели нормальных людей в цирке?..)

Нравилась учёба в музыкальной школе №2 Ленинского района города Воронежа, по классу баяна, у знаменитого П.Ф.Ворсина. Не нравились сольфеджио и обязательная игра в оркестре баянистов школы. Азартно конфликтовали со скрипачами. Мы их звали "смычками", они нас – "сапогами" (может потому, что сапог, если его сжать, похож на меха баяна). Не упускали случая треснуть друг друга при встрече по голове большущей нотной папкой. У скрипачей, почему-то папки были тяжелее, но доставалось им чаще – у них руки всегда были заняты...

Странное ощущение вызывало пение в хоре Воронежского музыкального театра в опере "Кармен" на одной сцене с таким прославленным Доном Хозе как Народный артист СССР

Зураб Анджапаридзе. (Дирижировал тогда Народный артист Украины Я.А.Вощак). Каждый раз что-то холодило живот, и сердце сбивалось с ритма, словно предстояла дворовая драка стенка на стенку. Позже эти ощущения ко мне вернутся на манеже цирка...

Жизнь круто изменилась, когда мама разошлась с папой (или наоборот). Мы с братом оказались безотцовщиной. Мне – четырнадцать, брату – девять. Из коммуналок центра Воронежа переехали на окраину города. Поменялся район, школа, отношения. Я стал взрослым...

Крепко хотелось праздника. Однажды увидел объявление в цирковую студию, которая располагалась в клубе Механического завода. Пошёл...

Потрясло, заворожило, как жонглёр бросал кучу колец и мячей. Вот оно! – подумал я. И занялся... клоунадой. Но мячики, булавы, кольца поселились в моём доме, потеснив учебники и нотные тетради. Видя природную лёгкость жонглирования словами, руководитель цирковой студии Н.К.Терлихов, однажды заставил вести программу концерта. Задыхаясь от страха и собственной наглости, я дебютировал в роли шпрехшталмейстера. Через два года вышел на подмостки как жонглёр. Ещё через год, 11 сентября 1973 года, я поступил на работу в Воронежскую Областную Филармонию, артистом оригинального жанра, перед этим насмешив весь худсовет. Восемнадцать исполнялось только через два месяца. Официально принять на работу не могли, о чём мне и сообщил директор. Как потом рассказывали, я прижал булавы к груди и жалобно попросил: "Ну, возьмите меня!.." Директор аргументировал: "Тебе же надо деньги платить, а как я оформлю?.." Тут я выдал историческую фразу,

которую до сего дня помнят старые артисты-земляки: "Не надо мне деньги платить! Я так работать буду, вы только возьмите!.."

Хохот членов худсовета, просматривавших меня тогда, и сейчас стоит в моих ушах.

– Миша! Да возьми его! – треснула директора, по своей привычке, кулаком в плечо народная артистка СССР М.Н.Мордасова – Парень-то, глянь, хороший!..

Страстное желание стать артистом оценили, и на работу приняли. На такое нарушение пошёл незабвенный М.А.Голынкер – директор нашей филармонии.

Определили меня в лучший эстрадный коллектив "И смех, и песня, и любовь" под руководством Н.И.Варшавера. Получение зарплаты превращалось каждый раз в мучительный спектакль с неизменным вопросом: "Зачем тебе деньги? Ты же говорил..."

Это была суровая школа эстрадной жизни, "и смеха, и песни, и слёз..." Но, всё равно, это был – праздник...

Май 1974 года ознаменовался призывом в армию в Гвардейскую Кантемировскую танковую дивизию. 2-я спортивная боевая мотострелковая рота стала новой школой мужества и мастерства. Танки невзлюбил до такой степени, что стал "антитанкистом" – стрелком-гранатомётчиком. (Об этом тоже отдельный рассказ. Может, повесть. Или роман).

Думаете, я забыл о цирке? Как бы не так! До армии поступал в Государственное Училище Циркового и Эстрадного Искусства четыре раза. Первый – в 1970 году. Мне объяснили, что для начала надо закончить восьмой класс. Ладно, вокзал, как говорится, не отходил. (Это позже он станет лейтмотивом на долгие годы...)

Потом – 1971, 1972. Мимо! Заявлений от желающих тысячи. Конкурс 120 человек на место. (Даже в медицинский институт такого не было!) Берут всего 50 человек. Из них 35 парней и 15 девушек. Сюда же – национальные кадры из республик (с гарантированным поступлением), дети цирковых артистов. Что оставалось нам, простым ребятам из провинции – глотать слёзы на вокзалах, уезжая в который раз ни с чем...

1973 год. Меня уже знают педагоги циркового училища, улыбаются как старому знакомому: "Вот настырный!.." И, как обухом по голове: "Подходишь! Но – тебе в армию. Давай после..."

1976 год. Я с трудовой книжкой артиста эстрады, с готовым номером. Но с опозданием на приёмные экзамены после демобилизации. Пятый раз!..

Набираюсь смелости, иду к директору ГУЦЭИ Александру Маркияновичу Волошину. Рассказываю, чуть не рыдая, вопя, сколько мне пришлось вытерпеть. Он назначает просмотр на 31 августа 1976 года, на 13.00. Считаю приметы: 31 – наоборот – 13! Год в сумме – 13. (Любимое число рулит!) Добираюсь до "Преображенки" на трамвае №13 и лечу до "Белорусской" на крыльях последней надежды. Вот она – 5-я улица Ямского Поля дом 24-а. Вот она – причина бессонниц и волшебных снов. Вот она – мечта всей моей жизни!..

Выкладываюсь по полной, показывая всё, что умел в ту пору, и слышу, как во сне, скрипучий голос Маркьяныча:

– Ну, что, Кулаков, кхм-м, неплохо, неплохо. Да, генерал? – Волошин обращается к педагогу по жонглированию Ф.П.Земцеву. – Но взять тебя не могу...

Тут я в который раз падаю в пропасть чёрной дыры многолетней неудачи, ставшей моей тенью и комплексом неполноценности. Жизнь кончилась...

– ...не могу взять, м-мм... на первый курс, нас не поймут. На второй беру смело. Сдавай экзамены, догоняй!..

Учился с упоением, догоняя свою мечту и приятелей, с которыми когда-то поступал вместе – они уже были настоящими артистами. Догонял, догонял и чуть не вылетел из училища на четвёртом курсе. Диспансеризация! На кардиограмме шесть остановок сердца – аритмия... Следствие четырнадцатичасовых многодневных репетиций и полуголодного студенческого существования.

– Срочно к директору!..

Опять Маркияныч скрипит, словно железом по стеклу:

– Сдохнешь, я тебя хоронить не буду! Отвечать за тебя – тем более. Сам будешь крутиться на своих похоронах! Тоже мне, Стаханов с Растелли!.. (Энрико Растелли — великий итальянский жонглёр).

Крутиться на собственных похоронах явно не хотелось – дел было и без того много. Сигареты – в сторону! Сна по восемь часов – не менее! Репетиций – по восемь часов, не более! Прогулки. Молоко, сметана, томатный сок (фу, гадость!..) Кое-как вылез. Следующая диспансеризация не стала приговором...

Выпуск. 1979 год. Международная учебная программа с кардиологическим, словно намёк, названием "От сердца к сердцу". Я выпускаюсь с номером "Музыкальные танц-акробат-жонглёры". В номере – партнёрша, баян, русская косоворотка, воронежская удаль, танцы, степ и жонглёрский реквизит. Поезд "Москва – Новосибирск".

18 сентября 1979 года сбылась Великая мечта – я стал артистом цирка!!!..

Далее всё как у всех: гастроли, переезды, манежи, цирки, города, страны. Несколько десятилетий жизни – в одну, ни о чём не говорящую, банальную строку... Потом. Когда-нибудь. Может быть...

Побывал на гастролях в Югославии, Индии, Японии (три раза), Южной и Северной Корее, Швеции, Франции (два раза), Англии (четыре раза), Италии, Монте-Карло, Германии, Израиле. Очень надеюсь, что на этом моя география с биографией не закончились.

Что-то отдано эстраде, что-то цирку. Профессиональный стаж – сорок лет. Из них двадцать лет работы в Большом Московском цирке на проспекте Вернадского.

Был режиссёром-постановщиком по трюкам и исполнителем одной из главных ролей в цирковом мюзикле "Свадьба Соек" (режиссёр Гинзбург Е.А.). Дважды был "Золотым Буффом" в одноимённых цирковых спектаклях-фестивалях. Ролей, которые я исполнил на манежах цирков, и которыми горжусь, наберётся более двух десятков. Песен, написанных разными композиторами и поэтами к спектаклям, и мною исполненных "вживую", свыше сорока. Номеров, которые я создал для других – с дюжину.

Гордость – младший сын, жонглёр Александр Кулаков. Лауреат четырёх самых престижных мировых конкурсов. Обладатель премии "Триумф" в области литературы и искусства.

Для себя создал два номера: "Танц-жонглёр-манипулятор с обручами" и "Эксцентриада с тарелками". Всегда старался идти непроторёнными путями. Много работал. Много ошибался. Отчаяние и сомнения – повседневные спутники. Спасал девиз

Черчеля: "Никогда не сдаваться!" Грела и держала на плаву православная вера, которая жила в моём сердце с детства, благодаря бабушке.

Сделано немало. Ещё больше пока не осуществлённого...

Люблю – жизнь! Люблю ходить пешком. Много и с удовольствием. Люблю своих сыновей. Свету – девчонку с рыжими глазами, которую мне подарил Бог и Ленинград. В городе белых ночей созданы мои лучшие спектакли и прожита часть нашей совместной жизни.

Люблю старую Москву. Её историю, бульвары, кривоколенные переулки. Принимаю её такой, какая она есть. Любимое время года – листопад. Обожаю каламбуры и лёгкость в общении. Ненавижу непрофессионалов и хмурых людей. На жизнь смотрю с юмором. На себя – с иронией. И подозрением:

Что этот парень выкинет ещё?..

Написал первое слово и задумался. Зачем я пишу? Какая необходимость? Можно ли обойтись без этого?..

Без слов обойтись можно. Слова – они и есть слова, написанные или произнесённые. Вместо признания в любви можно просто посмотреть человеку в глаза, улыбнуться, обнять – и он всё поймёт. Можно обжечь ненавидящим взглядом – и тебя тоже поймут. На могиле великого мима Дебюро написано: "Здесь лежит тот, кто сказал всё, не вымолвив ни слова..."

Очень не скучное занятие, пряча слова внутри, разговаривать с самим собой, гуляя по городу. Робинзон Крузо тоже разговаривал с пустотой, чтобы не сойти с ума от одиночества. Но этого мало. Человеку нужен Собеседник! В разговоре с которым, вдруг, понимаешь: не такой уж ты и оригинальный.

В основном люди чувствуют и мыслят одинаково. Просто один может подобрать слова, чтобы выразить свою мысль, как мелодию без нот, "на слух", а другой – нет. Один записывает свои мысли, другой их читает и говорит: "О! И я так тоже думаю..."

Зачем художнику краски и кисти, когда можно просто любоваться пейзажем? Зачем фотографу оставлять на плёнке взволновавшее его? Зачем писателю создавать образы и картины, подчас вымышленные, когда в жизни их предостаточно?..

Есть ли в этом необходимость? Жизнь такая короткая, чтобы её загромождать словами. Их и так много. Пустых, никчёмных, лукавых...

Я собираю слова искренние, передающие трепет и волнение. Хочется, чтобы с помощью слов меня услышали люди. Хотя бы малая их часть. Поделиться увиденным, наболевшим. Сориентироваться: так ли живу, так ли чувствую? Я ведь тоже часть человечества.

Слова нужны, чтобы меня услышал Бог. Мы все хотим с ним говорить. Конечно, он и так может услышать мои мысли и внутренний голос, которые гораздо красноречивей того, что излагается на бумаге. Но есть жгучее желание описать мир красками слов, приравнять ритм слогов к музыкальным ладам, а рождённые образы – к фотографической магии живописи и архитектуры.

Вдохновение!.. Пьянящее состояние, когда, неожиданно для тебя самого, Слово становится Волшебным, словно Кто-то водил твоей рукой – вот непреходящее желание любого пишущего. Как от этого отказаться?..

Есть ли мне что сказать миру? Не преувеличиваю ли собственную значимость?..

Думаю, нам всем есть что сказать друг другу. Надо просто решиться на это. Однажды взять чистый лист бумаги, карандаш – и написать первое Слово. Оно самое трудное.

Слово, обращённое к людям...

* * *

Отметил дюжиной ноябрь
моё рожденье.
И с первым криком
осень умерла.
Холодны зори в ноябре.
Дымятся окна.
Как в озере –
на стёклах полыньи.
Последний лист
на тополе уснувшем
Прощальным вымпелом
трепещет на ветру.

* * *

Крыша хаты под соломой.
Холодный чернозёмный пол,
Присыпанный песком.
Лампады огонёк пред образами,
Завешанных белёным рушником.
И первая щепоть ко лбу,
Безгрешному, как чистый лист.
И первое "прости" в поклон,
Во след за бабкой повторяя.
Деревня. Хата. Пол. Господь...
А звали бабку Александрой.
Как сына моего и как отца.
Не знала, грешная,
Ни цифр ни алфавита.
Мечтала "Книгу Книг" читать.
"Учись, унучек!" – говорила.
Меня ж сподобил Бог – ПИСАТЬ…

Жизнь – Капризная Дама.

Но я любил её. Наше домашнее Зеркало отражало солнце и моё счастливое лицо. Нам предстоял долгий Путь...

Я был молод и нетерпелив! Жизнь – рассудительна и нетороплива.

Я горячился, подгонял её, убегая вперёд. Мою спутницу это раздражало, злило!

Она степенно шла величественной походкой...

Наше новенькое домашнее Зеркало корчило мне рожи ранними морщинами, смеялось в лицо...

Тогда я останавливался и говорил: "Ах, так!.." Садился у обочины и демонстративно не замечал её.

Жизнь степенно проходила мимо. Шла дальше...

Я отставал. Терял её из виду. Надолго оставался в забвении и одиночестве...

Когда становилось невмоготу, начинал метаться в её поисках. Отчаивался. Требовал, чтобы она меня Услышала и Поняла!..

Пыльное, местами треснутое, домашнее Зеркало комически наиграно рыдало. Морщины бороздили лицо, превращая его в маску старого Рыжего клоуна из балагана.

...Теперь мы с Жизнью идём рядом. Она меня не покинула...

Я перестал суетиться и отчаиваться. Жизнь перестала на меня дуться и сердито подсмеиваться. Я, кажется, её понял...

Отремонтированное домашнее Зеркало перестало корчить рожи. Я снова увидел в нём солнце и Человеческое лицо.

Жизнь – Прекрасная Дама. Просто она любит Гармонию. И – меня...

Душа скулит щенком дворняги. Глаза ослепли от тусклой серости беспросветного неба. Осень без листьев. Небо без солнца. Шаги без цели. Путь в никуда. Возвращение ни с чем...

Время притормозило бег. Задумалось. Замерло в пустоте. Чтобы потом рвануть на опережение. Ударить поддых, неожиданно, коварно. Не дав опомниться, опрокинуть на помост, как опытный боксёр. Не зевай, не расслабляйся! Не отвлекайся от жизни и реальности...

Память крутанула заднее сальто в прошлое:

– Кулаков! Ты опять летаешь в облаках! Вернись на землю, скоро экзамены!.. – Учитель математики Евдокия Ивановна прервала мои мечтания и смотрение в школьное окно.

– А, ну да, зачем тебе математика! Ты же в цирке собираешься работать...

10-й "А" отзывается коротким смешком.

– В облаках хорошо, Евдокия Ивановна, там до Бога недалеко!..

Класс с готовностью попытался хохотнуть, но как-то, скорее кашлянул, и растерянно замер...

Прошло столько лет...

До сей поры летаю в облаках. Бог всегда рядом. Но каждый раз находится кто-то, желающий вернуть меня на землю...

Если объединить все города моих гастролей – получится огромная страна.

Если собрать все цветы, подаренные мне зрителями – вырастет чудесный сад.

Ежели позвать всех музыкантов, когда-либо аккомпанировавших мне – соберётся самый большой оркестр в мире.

Сияние всех прожекторов, светивших мне, сольётся в гигантское солнце. Цветы украсят бульвары городов, где будет звучать музыка оркестра. Аплодисменты превратятся в воздушные полёты смеющихся одуванчиков...

Это будет замечательная страна. Там будут жить красивые люди. Свободно гулять добрые звери. Всюду будут встречаться Клоуны – неунывающие люди-человеки.

Закройте глаза. Откройте сердце...

Такая страна уже есть. Я в ней живу.

Название ей – Цирк.

Что такое – ЦИРК?..

Это, конечно, манежный круг. По нему лошади несутся, наклонясь к центру. Словно там сокрыт ответ...

Цирк – полусфера. К ней с арены взлетают под купол. Там до Бога рукой подать.

Это – плоскость, когда лежат, не в силах подняться от усталости. И жёсткая плоскость – когда однажды не поднимаются вовсе...

Цирк – это квадрат детской колыбели. С первыми круглыми игрушками – мячами и кольцами жонглёра...

Для некоторых начинающих – ярмарка тщеславия, заканчивающаяся тщетой. Улыбка и седина старого артиста, вкусившего горечь цирковых опилок. Познавшего простоту "Vanitas vanitatum..."

Это – мир в миниатюре. Вселенная. Начало мироздания и конец бытия.

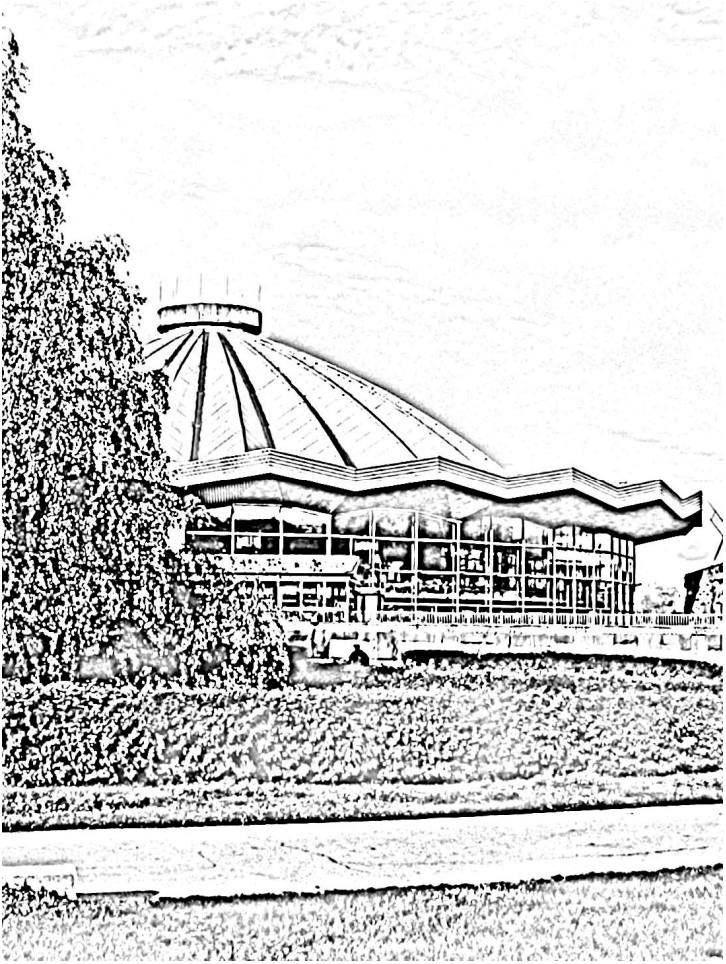
Бесконечная прямая, замкнутая на самою себя. Спираль в спирали. Параллельные прямые, которые пересекаются. Это парадокс в логике и логика в парадоксах.

Цирк это – ты, растворённый в вертикалях надежд и огорчений.

Это – восходящая горизонталь удачи, летящей к тебе на крыльях аплодисментов.

И – Любовь, долгожданная, безграничная, однажды приходящая к тебе.

ЦИРК – это Круглая Многогрань...



Многочасовая поездка в южном поезде подходит к концу.

Очередной тоннель с грохотом проглатывает вагон. Мрак пожирает время. Секунда, другая, третья... Мгновения затянувшейся Вечности...

Наконец поезд вырывается из чрева горы и в купе вновь царствует тишина под мерное покачивание вагонных рессор.

Шесть часов утра...

До Сочи рукой подать. За окном угадывается долгожданное море. Свет вагонных окон едва пробивает густую черноту южного зимнего утра. Освещает бегущий изгиб берега.

Ещё два часа езды. Невольно прикрываю глаза...

Однажды увидев море, человек теряет покой навсегда. Оно имеет магическую силу притяжения, как пропасть, горы, звёзды. И не важно где ты родился...

Артистическая судьба бросала меня от берегов Дальнего Востока до берегов не менее далёкой Индии. От курортных пляжей бывшей Югославии до вечной мерзлоты БАМа.

За Иркутском долго едешь вдоль берега сурового Байкала. Прошло много лет, но я помню бескрайние воды озера-моря, лиловый туман майского предрассветного утра и фиолетовый призрак рыбака, тянущего сети в лодку...

В памяти остались зелёные воды бухты Золотой Рог на Тихом Океане. Ночные купания под Сухуми в маслянисто-глянцевых водах то ли звёздного, то ли Чёрного моря.

Тело помнит магию Мёртвого моря Израиля. Невесомость его вод. Играющие на солнце кристаллы соленых друз.

Остались на фотографиях скалистые ветреные берега французской Нормандии. Гигантские горластые чайки холодных берегов Британии. Гранитные разломы скандинавских шхер и фиордов. Сиреневые акварельные закаты японского Кюсю, отражающиеся в антрацитовом иле, ушедшего в отливе за горизонт, моря.

Руки помнят ласки прохладных волн Финского залива, такого родного, желанного...

Душа отогревалась в густо-лазурных волнах Адриатики, обрамлённых пенными гребнями штормового Каспия. Умиротворялась в малиновых водах Азова. Рождали новый день утренние зори бескрайнего Индийского Океана с пальмами на берегу...

Поезд, притормозив на повороте, резко дёрнул, звякнув железом. Проводники включили свет, спугнув остатки сна и воспоминаний.

Здравствуй, море! Я снова к тебе вернулся...

Здравствуй, колыбель человечества!

И чего-то ещё, очень Настоящего...

Долгое время мои бессонные ночи заканчивались на рассвете. Дни начинались перед первой репетицией, до полудня. Как мне удавалось выспаться?

Судя по старым записям в дневниках – это было мечтой, но не проблемой.

На все вопросы привычно отвечал: "Кто сказал, что ночью надо спать?.."

В своей правоте был убеждён долгие годы...

Ночь – пора прогулок по полутёмным улицам и бульварам незнакомых городов. Заглядывание в окна спящих этажей, с попыткой угадать, кто там живёт – старая моя игра...

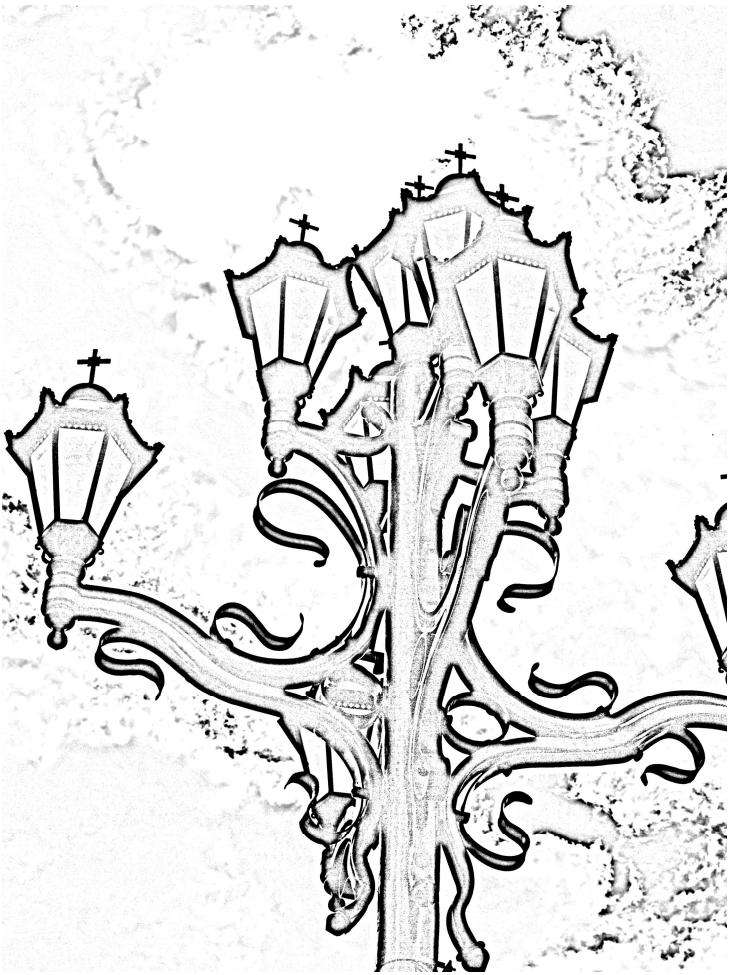
Ночь – волшебное время покоя и одиночества. Тишины и раздумий. Осознания и Познания, без спешки, без суеты.

Когда стрелки часов переползают за полночь, время начинает течь медленнее. Наступает магическая пора. Можно без зеркала взглянуть на себя снаружи и изнутри. Увиденное – доверить бумаге.

Ночное время раздвигает стены, спрессовывает расстояния. Оживляет образы и звуки, делает их реальными. Сакральные превращения рождают метаморфозы и фата-морганы. Теперь всё, к чему бы ты ни прикоснулся, на что ни посмотрел, – самым волшебным образом станет превращаться в строчки машинописного текста...

Лишь после этого, когда туман зарождающегося утра коснётся окон, а ночь испуганным чёрным котёнком шмыгнёт в ближайшую подворотню, ты уснёшь успокоенным и счастливым. В ожидании новой встречи...

Ночь – великий маг и чародей...



Новая старая сказка...

Подарил старый Жонглёр молодому, мячик волшебный, да блюдечко чудесное, что манежем зовётся.

Катится мячик по блюдечку, показывает города земли родной, моря чужеземные, страны заморские. И отправляется молодой Жонглёр в путь-дорогу нелёгкую, странствия дальние, вслед за мячиком быстрым. Мячик скор, только поспевай...

Катится мячик по блюдечку, мелькают вешки пути, шуршат листки календаря. Ни пурга лютая, ни распутица осенняя, ни суховеи летнии не могут остановить мячика круглого.

Катится мячик меж гор высоких, через реки быстрые, сквозь леса дремучие. Горы ему не помеха, топкие болота не преграда. Мячик-то не простой – цирковой, волшебный.

Катится мячик по шпалам сосновым, по рельсам железным. А то вдруг взмоет в поднебесье и летит выше птиц перелётных, выше облаков перистых, чтобы поскорее вновь упасть на манеж-блюдечко волшебное, в руки Жонглёра тёплые.

Мячик не простой – всё может.

Кружит, всё быстрее бегает по блюдечку. Чудеса земные показывает...

Утомится Жонглёр, поспеваючи за мячиком, отдыху запросит. А мячику на одном месте не лежится. Скачет он нетерпеливо из руки в руку Жонглёра. Попрыгает невысоко и вновь зовёт в пути-дороги земные да заоблачные...

Скоро сказка сказывается, да не скоро дороги кончаются.

Долго кататься мячику по блюдечку. Целых двадцать лет и зим. По окончании срока наречённого, должен Жонглёр мячик чудесный передать другому, младшему своему собрату. Завет такой. Если не передаст – потеряет мячик силу волшебную. Будет пылиться бесполезно за краем блюдечка чудесного...

Коли выполнит Жонглёр завет обещанный – вновь оживёт мячик. Станет кататься-бегать по блюдечку-манежу, страны заморские, моря чужеземные показывать, да города земли родной, с народом славным.

Катится мячик, катится, конца пути не видно. Земля-то, матушка наша, – круглая, как мячик волшебный...

Дороги тебе ровной, мячик быстрый.

Судьбы тебе доброй, Жонглёр молодой.

Конца счастливого тебе, сказка старая...

Рабочая неделя закончилась. Три вчерашних представления-спектакля, по три часа каждый, где ты ежесекундно был нервом, энергией, смыслом – растворились в тебе, отравив каждую молекулу организма. Выходной...

Усталость навалилась неподъёмным спудом. Она оглушила, раздавила. Лишив сил, желаний, воли. Вязкая, как смола. Как зыбучие пески, из плена которых не вырваться. Только вниз, в пустоту...

Руки не в состоянии поправить сползшее одеяло. Толчки пульса во всем теле. Один толчок за другим. Один за другим... Пульсирующие всплески жизни в спине, в веках, в кончиках пальцев.

Прислушиваюсь к толчкам, с вялым, равнодушным любопытством. Пытаюсь считать. Сбиваюсь... Нету "вчера". Нет "завтра". Есть только звенящее тишиной "здесь и сейчас". Безразмерное, бесформенное. Бесконечное. Навалившееся всей тяжестью гравитации.

Лежать, лежать... Исчезнув в складках постели, словно меня тут нет. Закрыв глаза. Отбросив мысли. Отключив сознание. Минута за минутой. Минута за минутой. Час, другой. Бесцельно, бесполезно, бессмысленно. Не сдерживая утекающего драгоценного Времени. Толчками, по капле. Из настоящего в прошлое. Как столетнее коллекционное вино в песок. Как кровь из вспоротой аорты...

За окном, из небесной раны вытекает бесцветный дождь... День вылинял, потерял краски. Только мокро-серое...

Толчки, толчки... Минута за минутой. Час за часом... Полдня, полжизни позади. Впереди – мокрый бесцветный день.

Выходной...

Час назад тебе рукоплескали ложи, партер, галёрка. Крики "браво!" перекрывали медь оркестра. В ответ ты искрилась, светилась изнутри, затмевая прожектора и софиты цирка. Глядя на тебя, у всех вырывалось:

– Принцесса!..

А сейчас ты стоишь у шипящей электроплитки, спрятанной от администрации гостиницы, и колдуешь над ужином. Простая смертная принцесса, в передничке, с засученными рукавами моей рубашки. Ты в ней как в балахоне Пьеро – всё висит. Щека выпачкана мукой, тоже как у Пьеро.

Ты то и дело поправляешь спадающую прядь золотистых волос и с улыбкой смотришь на меня. Взгляд дерзкий, вызывающий. Ласковая, многозначительная дуэль глазами:

Любишь?..

Угу...

Теперь уже вслух:

– Любишь?..

– Угу...

– ...пельмени!

– Ах, ты! Ну, держись!..

Господи! Какие же у тебя сладкие губы...

– Ну, вот! Ты теперь как Пьеро!

(Украла мои мысли...)

– А ты – моя верная Коломбина!..

Давай свои вкуснющие пельмени. И выпьем чаю за наш семейный цирковой театр...

Звезда моя цирковая, как ты сейчас далеко!..

Нас разделяет межзвёздное пространство в пять световых... минут.

Ты паришь под куполом и сияешь своим недосягаемым совершенством.

Улыбнись мне, слышишь! Взгляни на галёрку, где я сижу. И жду.

Ты так недоступно далека. Ты улыбаешься всем. И тебя сейчас любят все. Но ведь ты – моя!..

Я мчался к тебе в другой город, в холодной плацкарте, чтобы согреться под твоими колючими лучами, капризная моя Звезда...

Среди аплодирующей толпы на галёрке мне одиноко и тоскливо. Я люблю тебя. Мне хочется кричать об этом на весь цирк!..

Сейчас ты принадлежишь всем. Ревную тебя к партеру и галёрке, ложам и ярусам. К твоей трепещущей трапеции, к цветам, аплодисментам. Ревную к твоему костюму, искрящемуся мириадами звёзд. Он так плотно прижимается к совершенному, такому горячему, знакомому телу....

Зрители аплодируют и кричат. Они продлевают мою боль на миллионы световых мгновений. Ты для них – звезда!..

Я тороплюсь за кулисы, боясь потерять тебя в этом бесконечном космосе под названием Жизнь...

